

А.В. Пентюхов. «Немотивированная и безадресная социальная помощь – это помощник деградации и проводник на социальное дно»

Во-первых, я хочу сразу поблагодарить Елизавету Петровну Глинку за то, что критика есть, она присутствует, она должна быть. Потому что только путем таких подталкиваний, мы можем меняться, изменять какие-то взгляды, какие-то подходы. И, конечно, только такое конструктивное сотрудничество может приносить конкретные результаты людям, ради которых мы работаем.

В первую очередь хотелось бы отметить, что уже два года прошло с того момента, когда мы провели подобную совместную француско-российскую конференцию на базе Посольства Франции здесь, в Москве, когда мы первый раз обратились к теме социальной исключенности. Мне кажется, что два года – уже достаточно большой срок, чтобы проанализировать те подходы, которые мы обсудили на той конференции, которые были заложены по итогам предыдущего обсуждения, и сделать какие-то выводы.

Тогда мы говорили о людях улиц, которых мы видим каждый день по дороге на работу и обратно домой. Мы говорили о том, что им просто некуда идти, не к кому обратиться, негде переночевать, не с кем поговорить. Это именно те моменты, когда человек оказывается исключенным из общества.

Мы говорили об опустившихся алкоголиках, живущих одним днем, о людях, вышедших из тюрем, которым также некуда вернуться.

Прошло два года. Но, честно, для меня достаточно удивительно: с одной стороны, большой срок, с другой стороны, небольшой. Насколько меняются все-таки взгляды, отношение к тому, что мы делаем. Мы говорили тогда, что каждый человек, каждый житель улицы нуждается во внимание, порой даже не осознавая этого и зачастую отказываясь от этой помощи.

На протяжении этих двух лет мы предлагали помощь каждому, кого видели на улице. «Социальный патруль» за эти два года сделал много, его

автопарк увеличился в четыре раза. Количество людей, которых мы охватываем своим вниманием, увеличилось, наверное, раз в 6-7. И мы давали каждому человеку, которого встречали на улице, возможность вернуться в общество полноценным человеком.

Мне отраднее видеть, что гораздо больше стало людей, простых граждан, которые не боятся и хотят помогать бездомным, потому что зачастую стереотипы, которые существуют в обществе, не позволяют человеку подойти к этой проблеме, как-то предложить свою помощь.

Гораздо больше стало людей, которые проявляют сочувствие с соучастием. В средствах массовой информации и в разговорной речи практически перестали употреблять унижительную аббревиатуру «бомж». Теперь московских бродяг города мы называем бездомными.

Но давайте все-таки посмотрим и разберемся: а нужна ли этим людям наша помощь? Если брать в целом массу бездомных и бродяг на улице, я могу дать ответ на этот вопрос, четко для себя сказать, что нет. Конечно, какая-то помощь востребована. Но только в крайних случаях, когда речь идет о конкретном человеке, пример которого здесь приводила Елизавета Глинка. Конкретный человек, который нуждался в помощи.

Я приведу выдержку из одного письменного обращения, которому уже более десяти лет. Оно достаточно давно к нам поступило. Такие записи, выдержки я веду для себя. Именно та выдержка, то обращение фактически отражает сегодняшнюю картину востребованности, социальной помощи. Как-то один бездомный нам написал: «Я дошел до отчаяния. Хотя в жизни никого не убивал и не грабил и хотя мне пришлось отсидеть в местах заключения 50 лет, я на людей не озлобился. Освободился в 96-м году и с тех пор живу как бомж. Дело в том, что у меня руки трясутся и ноги совсем ослабли. И воровать я уже не смог».

Это исповедь человека, который всю жизнь жил таким образом. То есть когда для человека уже не в состоянии уличная жизнь, тот привычный образ

жизни, когда здоровье уже серьезно пошатнулось, вот только тогда человек ищет спасение в социальных службах, приходит к общественным организациям, выражая нуждаемость в реальной помощи.

Мы опрашиваем бродяг на улицах города, выясняем их нуждаемость в различных услугах. Но, к сожалению, я пришел к выводу, что на словах у людей одно, а на деле, к сожалению, получается совсем иначе.

Если сравнивать тех же самых французских клошаров и российских бродяг, в первую очередь мне хотелось бы отметить, что у нас совершенно разные генезисы этого явления. Если, как приводил Ксавье Эммануэлли, сначала это идет порог бедности, потом определенной отчужденности, потом уже наслаиваются алкоголизм и наркомания, то у нас, к сожалению, происходит совсем иначе. Сначала человек подпадает под пагубное влияние алкоголя, потом у него сужается круг общения со своими собратьями по счастью или несчастью – для кого как это можно судить, потом он доходит до такого состояния, когда на его тело уже неприятно смотреть. И получается этот социально исключенный человек.

Приведу тоже небольшой пример. По опыту французских коллег на протяжении нескольких лет мы создавали Центры дневного пребывания, где бездомные, не желающие оставаться в социальных учреждениях, могли бы получать социально-бытовые услуги, в том числе услуги по стирке белья. С октября прошлого года мы открыли новое отделение «Дмитровское», которое кроме услуг в дневном режиме предоставляет и ночлег.

Из чего мы исходили? Опять же что на словах, а что на деле. Мы проводим эти регулярные опросы. Опрос в 2008 году говорил, что 66%, то есть двое из трех нуждались в стирке. 2010-2012 годы – уже 33-36%. А сейчас могу с уверенностью сказать, что, к сожалению, реально даже элементарные бытовые услуги по стирке белья никому не нужны и оказались невостребованными. Приходится даже уговаривать бродяг постирать белье. Это отделение находится рядом с дезинфекционной станцией, куда они

приходят помыться и пройти санобработку от педикулеза. Вот он моется, обрабатывается, одежда проходит прожарку от педикулеза. Приходит к нам – десять метров пройти в это отделение, ему говорят: у тебя одежда грязная, давай постираем. – Нет. Он упорно начинает надевать на себя то самое грязное, в чем он ходил.

Еще пример приведу. В январе этого года РПЦ (Русская православная церковь) на территории одного из храмов открыла пункт обогрева. Такое тентовое укрытие на 50 мест. Надо отдать должное, что данный вид услуг оказался очень востребованным. В зимние ночи, в зимние морозы в эту палатку, которая рассчитывалась на 50 человек, набивалось до 150 человек. Люди не лежали, потому что уже невозможно было лежать, а просто сидели, прижавшись друг к другу. И можете себе представить, какой там стоял душлистый запах. Но, несмотря на это (а мы понимали, что будет, естественно, востребованность данных слуг), мы каждую ночь туда направляли наши автобусы «Социального патруля», предлагали людям переехать в стационарное учреждение, в Центр социальной адаптации и разместиться в нормальных условиях на койки. Но, к сожалению, максимум два-три человека соглашались поехать в социальное учреждение.

Еще один пример. Для людей улиц можно особо выделить проблему педикулеза и туберкулеза. Несмотря на общее улучшение санитарного состояния бродяг, я думаю, Елизавета Петровна и мы отмечаем, что отраднее состояние людей, здоровье людей на улицах стало гораздо лучше. Стало гораздо меньше случаев экстренной госпитализации. Стало меньше людей, которые нуждаются в оказании доврачебной медицинской помощи непосредственно на месте.

Несмотря на то, что да, действительно, проблема оказания медицинской помощи существует, в качестве отступления хочу сказать, что мы со своей стороны также обратили на эту проблему внимание органов здравоохранения, предложили свои помещения, свои площади. И, может

быть, совместно с общественными организациями, с некоммерческим сектором мы это направление как-то перекроем. Потому что потребность, конечно, в оказании, предоставлении медицинских услуг для бездомных людей улицы существует.

Возвращаясь к проблеме туберкулеза. Процент больных туберкулезом среди людей улиц в 200 раз выше, чем среди остального населения. Вдумайтесь – в 200раз! В связи с этим совместно с научно-практическим Центром борьбы с туберкулезом нами были организованы периодические выезды передвижных флюорографических кабинетов на территории дезстанций и социальных учреждений. Была также организована незамедлительная госпитализация этих людей в туберкулезные больницы, у которых выявляли затемнения. Причем 95% выявленных затемнений подтверждало в последующем, что люди действительно больны туберкулезом.

И как вы думаете, что происходило дальше? Людей сажали в машину, везли в туберкулезную больницу. И несмотря на то, что туберкулез является смертельно опасной болезнью, не говоря о том, что она представляет опасность для заражения окружающих, бродяги, которых везли на лечение в больницу, просто выпрыгивали из машин при остановках на светофорах. И даже те, кто доезжал до больницы, не завершали полноценный курс лечения от туберкулеза.

И теперь задаю себе вопрос и вам задаю вопрос: а в этом социальном исключении виновато общество, которое отвернулось и отвергло эти низшие слои, или люди сами себя исключили из общества? Для себя я нашел ответ. Русская поговорка: насильно мил не будешь. Это их выбор. И я понимаю и принимаю его таким, какой он есть. Причем это зачастую подталкиваем и мы с вами, когда даем рыбу, а не удочку. Человек привыкает есть рыбу, не пытаясь ее поймать, а потом он начинает требовать и возмущаться, что ему ее не дали.

Немотивированная и безадресная социальная помощь – это помощник деградации и проводник на социальное дно.

К сожалению, приходится делать вывод, что люди улиц сами себя опустили до такого состояния. У них появились элементарные потребности: поесть, поспать и когда проблемы со здоровьем – обратиться к медикам. У них нет никакой мотивации для изменения своего социального облика. Несмотря на то, что практически у всех бродяг есть родственники, их социальные связи разрушены, а трудовые навыки полностью утрачены, так как нет необходимости прилагать каких-либо усилий для того, чтобы прокормить себя.

В качестве примера опять же приведу. Через Центр социальной адаптации за прошлый год прошло 16 с лишним тысяч человек, и только 82 из них согласились на трудоустройство. Проблем с трудоустройством вообще никаких нет, было бы желание работать.

Несмотря на то, что у бродяг появилось больше перспектив для изменения своей жизненной ситуации, и, по их мнению, общество стало больше обращать внимание на их проблемы, резко снизилось число бродяг, вообще желающих что-либо менять в своей жизни. Несмотря на отсутствие документов, старение, наличие проблем со здоровьем, снизились жизненные потребности по всем позициям. Я не говорю это голословно, потому что мы опираемся на социологические исследования, на ответы людей: в чем они нуждаются, что они хотят в своей жизни. Это не моя позиция, это ответы людей улицы.

Исходя из этих социологических опросов, мы делаем вывод об устойчивой тенденции увеличения иждивенческих наклонностей. Это многолетний анализ. Это не наша позиция. Мы делаем вывод из того, что они сами о себе заявляют.

Конечно же, большинство представителей общественных организаций, как вы сейчас говорите: нет, они на самом деле не такие. Я с вами полностью

согласен, что да, есть и не такие люди. Я вам скажу, что именно ради этих единиц, которые действительно нуждаются и адекватно воспринимают адресную помощь, мы работаем.

К сожалению, есть масса экономических мигрантов, которые, естественно, как в любом мегаполисе, приезжают в Москву на заработки и которых ряд общественных организаций называют бездомными, потому что у них нет дома здесь. По тем же самым опросам, двое из трех московских бродяг заявляют о том, что у них есть жилье, но в другом регионе, - то есть они элементарные экономические мигранты. Да, они приезжают сюда в поисках лучшей жизни и в поисках заработка для своей семьи. Если смотреть на этих людей, именно мигрантов – да, у них есть желание заработать. Но 82% из них не имеют документов, они их утратили.

Я задам вам вопрос: а может ли этот человек заработать здесь денег без документов? Да, наверное, может, потому что они в подавляющем большинстве своем занимаются временными подработками. Какие-то копейки они на бытие, проживание в Москве зарабатывают. Но они не понимают, и наша задача с вами объяснить им, что без документов нормальный заработок они здесь не смогут получить. Если он хочет обеспечить свою семью, ему в первую очередь нужно вернуться домой и восстановить документы, получить паспорт. А потом, уже приехав, если он опять захочет, обратно, в Москву, устроиться на нормальную работу, заключив нормальный трудовой договор, и зарабатывать деньги. А не поддаваться на уговоры различных, как мы их называем, трудовых сект, когда человеку обещают крышу над головой и питание, и человек работает на этого хозяина, скажем так, принося ему доход, оказываясь фактически в экономическом рабстве у этих людей.

Наша с вами задача – если человек уже совсем опустился на социальное дно, и у него полностью дезадаптированы трудовые навыки, все-таки постараться показать ему, что есть способ приносить пользу себе, своей

семье и обществу. Потому что, к сожалению, именно наложение
индивидуальных склонностей и злоупотребления алкоголем приводит к тому,
что мы видим людей на улицах.